

Выпуск 1

ПРАВО

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОЙ
СЕССИИ**

**г. Волгоград,
17-23 апреля 2006 г.**

ББК 74.584(2)738.1я43 + 67.99(2Рос)я431
М34

Редакционная коллегия:
д-р техн. наук, проф. *Б.Н. Сиплиный* (отв. редактор);
канд. юрид. наук, доц. *И.А. Волкова* (отв. секретарь);
канд. юрид. наук, доц. *Л.Н. Лянго*;
канд. юрид. наук *Ю.А. Боков*;
канд. юрид. наук, доц. *А.А. Шанин*

Печатается по решению
редакционно-издательского совета университета

М34 **Материалы** Научной сессии, г. Волгоград, 17–23 апреля 2006 г.
[Текст]. Вып. 1. Право / ВолГУ; редкол.: О.И. Сгибнева (отв. ред.)
[и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 284 с.

ISBN 5-9669-0208-9

Сборник включает в себя статьи молодых ученых, аспирантов и студентов, отражающие основные положения их докладов на Научной сессии, проходившей в ВолГУ 17–23 апреля 2006 года.

ISBN 5-9669-0208-9

ББК 74.584(2)738.1я43 + 67.99(2Рос)я431

© Авторы статей, 2006
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2006

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Е.Ю. Алексеев, студент
Научный руководитель Н.Н. Вопленко

ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Вид юридической ответственности – это объективно сложившийся материально-процессуальный институт, регулирующий основания возникновения, реализации и юридические последствия применения правовых санкций в сфере определенной профилирующей отрасли, а также способный обслуживать иные не вполне сформировавшиеся комплексные отрасли и институты в рамках национальной правовой системы.

Рассматривая такую ответственность, как **конституционную**, в качестве самостоятельного вида ответственности, необходимо иметь в виду, что ее материально-процессуальный институт еще недостаточно сложился. Отсутствие унифицированного конституционного процесса по реализации санкций конституционных норм не позволяет выделять конституционную ответственность в самостоятельный вид ответственности. Еще один довод: это только отраслевое регулирование отношений, то есть конституционная ответственность – это отраслевая ответственность. Важным признаком самостоятельности видовой юридической ответственности выступает ее способность «вторгаться» и обслуживать иные отрасли действующего законодательства. Этот существенный признак отсутствует у конституционной ответственности. Как утверждает Ж.И. Овсепян, «конституционная ответственность содержит минимальные признаки общетеоретической конструкции юридической ответственности (должностных лиц) публичной власти». Таким образом, конституционная ответственность, пока она в процессе формирования, – это не самостоятельный вид, а подвид юридической ответственности.

Другим распространенным заблуждением, переходящим из одного учебника по теории государства в другой, является выделение в качестве самостоятельного вида **материальной** юридической ответственности. Она представляет собой особый институт гражданско-правовой ответственности, сложившийся и действующий в сфере трудовых правоотно-

ты, запрещенные к обращению», содержащаяся в п. 2 ч. 3 ст. 81, не совсем точно отражает круг предметов, подлежащих изъятию. Это обусловлено различием в содержании терминов «оборот» или «обращение», используемых в различных законодательных актах. Например, федеральные законы «Об оружии» и «О наркотических веществах и психотропных средствах» включают в определение понятия оборота производство соответствующих предметов⁵. Так, абз. 12 ст. 1 Федерального закона «Об оружии» от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ определяет это понятие следующим образом: оборот оружия и основных частей огнестрельного оружия (далее – оружие) – производство оружия, торговля оружием, продажа, передача, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозка, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия на территорию Российской Федерации и вывоз его из Российской Федерации. В то же время в ряде случаев законодатель разделяет понятия производства и обращения. Подобный подход имеет место в федеральных законах «Об охране окружающей среды» (ч. 1 ст. 47), «О запрете производства и оборота этилированного автомобильного бензина в РФ» (ст. 1), «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (ч. 2 ст. 9, ч. 1 ст. 16 и др.) и некоторых других правовых актах.

Таким образом, для ситуаций, когда законодатель разделяет понятия «оборот» и «производство», формулировка п. 2 ч. 3 ст. 81 УПК РФ является не совсем удачной: за ее пределами остаются безусловно запрещенные предметы. Поэтому более правильным представляется обозначить соответствующие объекты материального мира как «предметы, создание и обращение которых запрещено». В связи с этим полагаем возможным изложить п. 2 ч. 3 ст. 81 УПК РФ в следующей редакции: «предметы, создание и (или) обращение которых запрещено, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются».

Примечания

¹ См., напр.: Голубов И.И. Конфискация имущества как вид уголовного наказания: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 87.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть общая. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. С. 218.

³ При определенных условиях исключение, пожалуй, могут составлять только товары, не соответствующие требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (ч. 1–3 ст. 238). Они могут быть созданы правомерно, и на момент создания отвечать указанным требованиям, однако перестают им соответствовать, например, в результате истечения срока годности. Так, согласно

3 Федерального закона «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 01.2000 г. № 29-ФЗ не могут находиться в обороте пищевые продукты, материалы и изделия, сроки годности которых истекли.

⁴ Думается, необходимо отметить то обстоятельство, что такой запрет может быть установлен не только уголовным законодательством. Мы допускаем случаи, когда в качестве орудий, средств и прочего могут выступать предметы, запрещенные, например, административным правом.

⁵ Аналогичным образом определяется оборот и в абз. 7 ст. 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах».

*А.В. Голубева, студент
Научный руководитель А.П. Кругликов*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Практика органов предварительного расследования показывает, что многие тяжкие и особо тяжкие преступления раскрываются лишь благодаря взаимодействию следователей и органов дознания. Под таким взаимодействием понимается оказание ими друг другу основанной на законах и ведомственных нормативных актах помощи в решении общих для них задач уголовного судопроизводства, заключающейся в совместной согласованной деятельности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования при руководящей и организующей роли следователя и четком разграничении компетенции¹.

Очень важно, чтобы взаимодействие осуществлялось уже со стадии возбуждения уголовного дела, однако формы взаимодействия в данной стадии действующим законодательством четко не регламентированы. Анализ действующего законодательства и следственной практики позволяет выделить следующие формы взаимодействия в стадии возбуждения уголовного дела.

1. Обязанность следователя и органа дознания принять сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и до передачи сообщения по подследственности принять меры по сохранению следов преступления. Данная форма взаимодействия базируется на положениях статей 144 и 145 УПК РФ. «Сохраняя следы преступления» по сообщени-

ям о преступлениях, которые в последующем будут расследовать органы дознания, следователь помогает тем самым органам дознания раскрыть подследственные им преступления. И наоборот.

2. Пункт 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ называет такую форму взаимодействия следователей и органов дознания, как оказание органами дознания содействия следователю при производстве последним отдельных следственных действий. В соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ и ч. 4 ст. 146 УПК РФ следователь вправе в случаях, не терпящих отлагательства, произвести осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела. Следовательно, и в стадии возбуждения уголовного дела сотрудники органа дознания могут по поручению следователя оказывать ему содействие при производстве такого следственного действия, как осмотр места происшествия.

3. Закон предоставляет следователю право *проверять* сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях (ст. 144 УПК РФ), однако способы проверки четко не определены. Мы присоединяемся к точке зрения тех авторов (А.П. Гуляев и др.), которые считают, что уже в стадии возбуждения уголовного дела следователь вправе поручать органам дознания проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью проверки сведений, содержащихся в сообщениях о совершенных или готовящихся преступлениях. Данная форма взаимодействия позволяет следователю принять по указанным сообщениям законное и обоснованное решение.

4. Ведомственные нормативные акты предусматривают и такую форму взаимодействия, как разрешение следователем вопроса о возбуждении уголовного дела по материалам оперативно-розыскной деятельности². Представляется, что данная форма взаимодействия должна регулироваться УПК РФ.

Вопрос о формах взаимодействия названных должностных лиц и органов в стадии возбуждения уголовного дела нуждается в дальнейшем исследовании.

Примечания

¹ Кругликов А.П. Понятие и сущность взаимодействия следователей и органов дознания // Вестник ВолГУ. Сер. 3, Экономика. Право. Вып. 2. 1997. С. 35.

² См., напр.: Инструкция по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений: Утверждена Приказом МВД РФ № 334 от 20 июня 1996 года.

С.А. Гусейнова, студент
Научный руководитель А.П. Кругликов

СУЩНОСТЬ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО НОВОМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РФ

Вопрос о правовой природе неотложных следственных действий, производимых органом дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, в юридической литературе решается неоднозначно. Во многом это объясняется принятием нового УПК, внесшего значительные изменения в производство предварительного расследования.

Деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, действующий УПК в отличие от УПК РСФСР 1960 г. не относит к дознанию, а именует производством неотложных следственных действий, которые осуществляются органом дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (ст. 157 УПК РФ).

Задачи рассматриваемого уголовно-процессуального института вытекают из их определения, данного в п. 19 ст. 5 УПК РФ: неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия не обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного изъятия и закрепления, изъятия и исследования.

Однако, как представляется, нельзя ограничивать задачи производства неотложных следственных действий органами дознания, лишь перечисленными выше. Думается, что неотложные следственные действия направлены и на решение общих задач уголовного судопроизводства, содержащихся в том числе в ст. 6, 21, 73 УПК, таких как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод; на установление события преступления, изобличение лица или лиц, виновных в совершении преступления, чтобы каждый его совершивший был подвергнут справедливому наказанию; пресечение совершаемого и предупреждение новых преступлений и т. д.